
СЫСКНАЯ | **150 ЛЕТ НА СВЕТОЙ СТОРОНЕ СИЛЫ,**
ПОЛИЦИЯ | **ОХРАНЯЯ ЗАКОН И СПРАВЕДЛИВОСТЬ!**

Читайте романы неподражаемого автора
исторических детективов Антона Чижана:

ТАЙНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ

ПЯТЬ КАПЕЛЬ СМЕРТИ

ХОЛОДНЫЕ СЕРДЦА

АРОМАТ КРОВИ

ИЗ ТЬМЫ

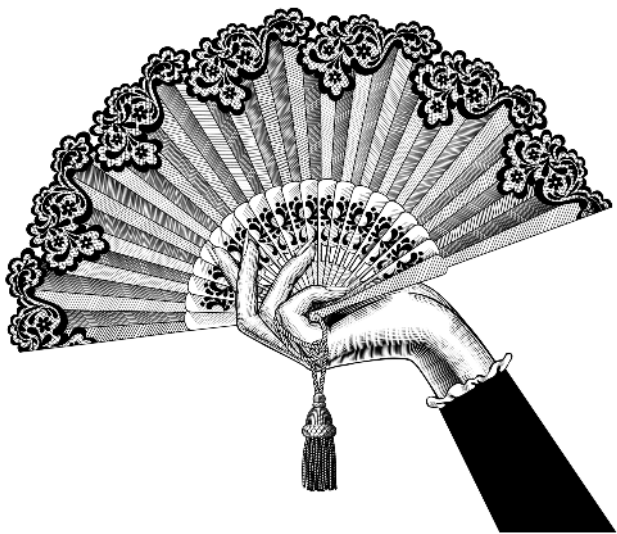
ПЕПЕЛ И ПУРПУР

МЁРТВЫЙ ШАР

А Н Т О Н

Ч И Ж

БЕЗЖАЛОСТНЫЙ ОРФЕЙ

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-59

Дизайн серии *Петра Петрова*

Ранее книга выходила под названием
«Ищите барышню, или Безжалостный Орфей»

Чиж, Антон.

Ч-59 **Безжалостный Орфей / Антон Чиж.** – Москва :
Издательство «Э», 2017. – 448 с. – (150 лет Россий-
ской сыскной полиции).

ISBN 978-5-699-97111-4

Талант парикмахера не только в том, чтобы умело завить женский локон, выщипать брови и пленительно подкрасить ресницы. Парикмахер – тончайший психолог, знаток женских душ, их тайных стремлений и темных сторон. Он, словно волшебник, может несколькими словами и взмахами ножниц излечить раненое самолюбие, но может и нанести смертельную рану...

Новый ретро-детектив Антона Чижа погружает нас в мир салонов красоты конца XIX века! Безжалостный следователь полиции Ванзаров, едва не погибнув, словно Орфей, возвращается из ада в мир живых, а железный стоик криминалист Аполлон Лебедев впервые по-настоящему влюбляется... Чудовищные обстоятельства грозят героям гибелью, но полицейские сердца не дрогнут перед опасностью!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97111-4

© Чиж А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Светлой памяти моего отца

• ТОМ I •

Треснувшие плиты глухо отражали шаги. Сводчатые потолки в заплесневелой известке разносили эхо до небес. Темноту стремительно рассекал высокий господин. Шаг его был так скор, что за полами пальто клубился водоворот октябрьского морозца, захваченного с улиц и не успевшего пасть снежком в сених. Макушкой не доставал этот господин до потолков, но в арках, неведь зачем деливших прямой коридор на равные ниши, пригибался, чтобы не посадить с размаху шишку.

Черты лица скрывала чернота. Но легко было распознать человека крепкого сложения и неустойчивого характера. Такого, что и в мороз обойдется без шапки, и шарфы презирает. Будто внутренний жар столь крепко жжет, что никаким катаклизмам не заставить этого человека кутаться. Стоит отметить, что господин сжимал в руке желтый чемоданчик, который, несмотря на быстроту шага, летел не шелохнувшись, как по ниточке.

В стенах безнадежно осели мутные сладковатые запахи гниения и хлорки. Но и эти ароматы робко отступали под напором нового, окружавшего господина плотным обла-

ком, пропитавшего пальто и костюм. Казалось, и старая известка теперь пахнет вызывающе дерзко, чем-то имбирно-пиратским или по меньшей мере возбуждающим фантазии о тропических морях и дебрях Южной Америки.

Стремительный гость не обращал внимания на окружающую убогость, словно бывал здесь не раз. И что делать в захудалом месте тому, у кого в галстуке поблескивает брильянт заколки, пиджак моден и свеж, а на пальце нескромно топорщится перстенок?

Тьма уперлась в керосиновую лампу, огонек в которой тлел ровно настолько, чтобы человек мог разглядеть контур облезлой двери с табличкой «Вход воспрещен». У таблички отгрызли левый угол. Господин, не церемонясь, рванул створку так, что в кулаке остался кусок металлической ручки, и вошел, а вернее сказать — ворвался в помещение, которое сразу показалось тесноватым. Хотя комната была не так уж мала. Потолок терялся в высоте, а кафельной плитки, покрывавшей стены, хватило бы на то, чтобы выложить ею бассейн.

Не трата слов на приветствия, господин с порога заявил:

— Что это значит?

Вопрос был задан таким особо спокойным тоном, что распознать прямую и явную угрозу, вплоть до расправы кулаками, не составило труда. Любой, кому был бы задан этот вопрос, предпочел бы его не слышать. Уж слишком отчетливо гость воплощал собой сдерживаемую ярость. Однако на месте «любого» оказался человек не робкой, а внушительной комплекции, которую подчеркивал белый

халат, туго затянутый на груди и в талии холщовыми лямками. Он неторопливо стянул резиновую перчатку, затем другую, при этом не пасуя под прожигающим взглядом, а сдерживая его, как зарвавшегося коня.

— В чем, собственно, дело? — спросил он.

Гость потряс бумажным комком, стиснутым в кулаке дохлым птенчиком:

— Это я вас спрашиваю: что это вот значит?

— Не имею чести знать.

— Ах ты... — начал было грозный господин, но удержался за ниточку приличий: — ...что еще за субъект такой нашелся? Кто таков?

«Владелец» кафельной комнаты представился доктором Епифанцевым и в свой черед пожелал узнать, с кем имеет честь свести столь приятное знакомство. Обрушился шквал чинов и научных регалий, завершившийся именем, которое гремело по всей столице. Если не по всей, то по Департаменту полиции наверняка. На доктора явление знаменитости не произвело впечатления. Даже с места не сдвинулся, не подбежал ручку пожать и даже бровью не повел. Напротив, излишне равнодушно спросил:

— Очень приятно. Так все-таки, что вам надо?

Под ноги полетел бумажный шарик. Епифанцев не поленился нагнуться, расправил, взглянул, положил замученный листик на металлический стол, который располагался в удобной близости, и сказал:

— Здесь все изложено верно. Не понимаю вашего беспокойства.

– Беспокойства? О каком беспокойстве речь! Я в бешенстве, если угодно!

– Желаете капле успокоительных?

– Шуточки оставить для ваших адъюнктов! Кто составил этот бред? Кто посмел?!

– Не бред, а заключение. Составлено мною лично. Прошу аккуратнее со словами. Здесь не полицейский участок.

– Смеете заявить, что не самый тяжелый случай отравления привел к такому фатальному результату? Так прикажете понимать? Как такое возможно?!

– Если бы господин эксперт потрудился прочесть от начала до конца, то, безусловно, обнаружил бы очевидную причину. Там все написано... – Доктор протянул документ.

Господин двинулся слишком решительно, чтобы истолковать это движение как вспыхнувший интерес, и оказался слишком близко для вежливого общения. Епифанцев не удостоил напор и легким сомнением, выказав поразительное хладнокровие.

– Требую, именно требую, чтобы мне предоставили тело для осмотра!

– Прошу простить, но это невозможно, – сказал доктор.

– Почему?

– Прошу извинить, не положено.

– Вот как? Это мне не положено?.. Мне?! Да вы... Да я вас... Да знаете, что...

– Да, знаю. Знаю, что обязан исполнять приказ Врачебно-санитарного комитета Министерства внутренних дел, в

коллегии которого вы имеете честь состоять, от 13 марта нынешнего, 1895 года, где четко и строго прописаны меры по недопущению распространения опасных эпидемий. Вам не хуже, чем мне, известно, что полагается делать при возникновении столь серьезной угрозы.

То ли прохладность кафельных стен, то ли строгость приказа или стойкость доктора остудили взывавший характер. Важный господин ослабил напор и начал уговаривать совсем иначе, по-дружески, как коллегу, применил неподражаемую улыбку, пока наконец не опустился до интонаций скромного просителя.

— Дайте хоть взглянуть... — чуть не жалобно попросил он.

— Никак невозможно. Даже приближаться нельзя. Вы же сами понимаете, как ученый. Недопустимый риск. Прошу извинить, мне пора... — И гостю указали, куда ему следует отправиться.

* * *

Среди колонн, подпиравших свод парадного холла Александровской больницы, терялся худощавый юноша, закутанный в шинель гражданского кроя с поднятым воротником, который упирался в фуражку, натянутую до ушей. На сквозняках огромной больницы молодой человек продрог до озноба. Заметив массивную фигуру в расстегнутом пальто, выплывшую из глубин больницы, припустил со всех ног.

— Ох, ну как там дела? — спросил он, отчаянно шмыгая носом. — Родиону Георгиевичу лучше? Как самочувствие?

Видели его? А мне можно? Я быстренько сбегая... А то совсем околел, оставили меня, так нечестно...

Опустив чемоданчик, господин раскурил сигарку, от дыма которой вздрогнули даже статуи, и тихо сказал:

— Кончено...

— Что «кончено»? — Молодой человек явно не уяснил, почему вместо добрых или хотя бы обнадеживающих вестей его пугают тревожными загадками. — Аполлон Григорьевич, лечение помогло? Когда его выпишывают? Как у него дела? Настроение и вообще...

— Это трудно... Я бы хотел... Не знаю, как вам сказать.

— Да как есть, так и скажите...

— Наверно, это правильно. Лучше сразу. Так вот... — Господин осекся, словно собираясь с силами, и наконец сказал: — Ванзарова больше нет. Простите меня, Коля, что должен вам это сказать. Так все глупо вышло. И вас совсем не стоило бы... А пропади все пропадом. Вы уже не мальчик, чтобы сопли вытирать. Будьте сильным и мужественным. Пришла пора взрослеть, коллега. Родиона Георгиевича больше нет. Все. Простите.

Младший чиновник полиции Николая Гривцов считал себя образом мужества и в некотором роде рыцарства, что бывает в ранней юности со всеми. Но известие застало врасплох. Он старался, но никак не мог понять, в чем же состоит шутка великого и ужасного Лебедева, в чем ее смысл. И когда она кончится.

Шутка упрямо торчала, разрастаясь и становясь той самой правдой, что нельзя ни обойти, ни спрятать, а только принять ее во всей бессмысленной простоте. Была она столь внезапной и чудовищной, что сознание Коли не могло и не желало принять ее, защищаясь непониманием, уговаривая, что это лишь наваждение, внезапный сон или помутнение чувств.

В дальнем углу охнула старуха, которой не нашлось угла в общей палате, вдалеке проскрежетала каталка, тишина вернулась к мраморным колоннам.

Аполлон Григорьевич не стал утешать, а только выпускал клубы дыма, ядерный дух которого Николая перестал различать. По щеке предательски скатилась слезинка. Изо всех сил он старался быть мужественным. Но сил не хватало.

• ТОМ II •

Колокольчик звал.

...И окружающий мир замер, мягко вздрогнув, словно подернулся зыбью. В нем извивались, струясь и волнуясь, улицы, лица, дома, тротуары, как отражения в ртутном зеркале. Длилось это не дольше мгновения, яркого и глубокого. А когда вернулись прежние обличия, когда свет и тьма разделились, когда твердь под ногами окрепла, властный зов потянул за собой. Он шутил и ласкал, шептал и обманывал. Не было мочи послушаться. Хрустальным звоном манил и манил. А потом взмыл до пронзительного свиста.

...И на пике, на пронзительной ноте подступила тишина, глухой ватой окутывая и поглощая до последнего ноготка, до озноба, до кровинки. Целиком и навсегда.

...Жарко, очень жарко, нечем дышать. Это оттого, что опять печку натопили, забыли, что нельзя столько дров бросать, вот и раскалили докрасна. К ней, наверно, прикоснуться боязно, сразу ожжет. Да вон и дверца распахнулась, а из нее горящие угли так и сыпятся, так и сыпятся, уже весь пол залит, словно лавой. Хорошо, что не жгутся. Только жарко. Отчего же никого нет? И куда все подева-

лись? Ведь так и дому сгореть недолго. Но что же никто жара не слышит? А дыма нет, вот и жара не замечают.

Как все-таки душно. Хоть бы окно открыли. О, да они нараспашку, вон и занавески отдернуты, а там ясное небо и птица пролетела, совсем лето настало. Зачем же так топить? Хорошо бы прилечь у печи, но нет, идти надо, зовет кто-то. Ноги не слушаются, тонут, словно в вязкой глине, как на сельской дороге после дождя, сразу не совладаешь. Вроде торопишься, а так и не сойти с места. Надо, надо спешить, а то ведь не успеется.

Там, в дальней комнате, ждет. И окликнуть нельзя, что-бы помогли, потому что теперь уже поздно, все спать легли или не проснулись засветло. Только бы пятки отодрать от половиц, вот ведь, как клеем намазаны. И жар давит, так и прет, так и прет из всех щелей.

Вот уж другая комната. Темно, ничего не разглядеть. Почему же света не принесли? Свечей жалеют. И опять никого. Что же за обман такой? Печки здесь нет, а все жаром пышет. Почему же пусто, куда все подевались? Не может в доме так пусто быть.

Зовет, зовет. Она зовет. Как хорошо улыбается. Как славно, как сладко. Зовет к себе. Скорее, скорее. Ветер играет складками юбки. Широкие рукава платья шевелятся ласково. Надо выдраться из клея. Вот уже и руки протянула. Какая она красивая, какая нежная и чистая. Скорее к ней. Коснуться и прижаться, чтобы не отпускать никогда. Еще немного, и липкие цепи падут. Она ждет и зовет. Еще немного, еще надо постараться. Да что же так жарко! Лишь протянуть пальцы, коснуться ее плеча, ее волос, блу-